

Откровенно неонацистская национал-демократическая партия получила значительное количество мест в ландтагах Гессена и Баварии (ФРГ).

ВЫПОЛЗАЮТ...

Рисунок КУКРЫНИКСЫ

ЖРОЖОДИИ

№35 [1829] декабрь 1966

год издания сорок пятый

Заявка поправкой

1 Спросу жителей внимая,
Южный сельский магазин
По заявке двести маек
В свой кишлак прислать просил.

2 И пришла заявка эта
(Точно день назвать боюсь)
Для решения и ответа
В местный райпотребсоюз.
— Просят майки-безрукавки?
Что ж, поможем. Решено.
Только с маленькой поправкой..
Впрочем, это все равно.

И чего там долго думать?
Разница невелика:
Горнолыжные костюмы
Завезем для кишлака!
Исправляй заявку смело,
Сам под нею распишусь!..
...И бумага полетела
Прямо в облпотребсоюз.

3 Взяли в области заявку.
— Что ж, поможем. Решено.
Только с маленькой поправкой..
Впрочем, это все равно.
Нам заказы не в новинку.
Что тут думать и гадать?
Дать костюмы?.. А ботинки
Почему бы к ним не дать?
Сразу все послать не сможем,
Обувь выделим пока.
А костюмчики попозже
Подождем для кишлака.

4 У завбазой глазки-льдинки
Из-под елочек-бровей.
— Дефицитные ботинки
Я не выдам, хоть убей!
Ах, заявка? Что ж, заявка
Обеспечить нужно. Но
Только с маленькой поправкой..
Впрочем, это все равно.
Отдаю, но с добавленьем —
Будет очень рад завмаг:
Забирайте к ним крепленья
По три штуки на башмак!

5 Райпотребсоюз сомнений
Никаких не выражал.
Он в кишлак послал крепленья,
А ботинки... придержал,
Приложил к товару справку,
Ознакомьтесь — вот она:
«Сообщаем, что заявка
В срок у-д-о-в-л-е-т-в-о-р-е-н-а».

Мы без всяких колебаний
Заострили свой рассказ,—
Как ни грустно, основанья
Есть для этого у нас.
Словно в детской «Угадайке»
По заявкам шлют и без
Вместо байки — балалайки,
Вместо майки — майонез!

— У нас продавцы очень культурные...

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

ДЛЯ ОТЧЕТА МУЖУ

№ квитанции	024550
Имя	Кулишова
Адрес	Зерновых д. 3 кв. 31
Срок исполнения	
Подпись	Иванова
Подпись	Иванова

В дамской парикмахерской г. Лепеля очередь.
Появляется кассирша.
— Что собираетесь делать! — спрашивает она
у клиентки, сидящей впереди остальных.
— Укладку.
— Так... Заполним квитанцию в трех экземпля-
рах. Ваша фамилия, домашний адрес! С вас 60
копеек. А маникюр, педикюр и окраска усов вас
не интересуют!
Очередь раздражается хохотом.
— Ох, простите, заговорила. Усы — это ско-
рее по мужской части. Возьмите квитанцию.
— К чему все это! — любопытствует очередь.
— А вы думаете, мы знаем! Приказали заве-
сти такую отчетность, мы и выполняем, — разво-
дит руками кассирша.
— Ой, дайте, дайте и мне квитанцию! — радо-
стно просит какая-то посетительница. — Покажу
ее мужу. Он всегда требует от меня отчетов —
где бываю, куда деньги трачу...

Н. М.

СКАЗКА О БАНЕ

Издавна так повелось, что в Казахстане каждую осень чабаны съезжаются на областные слеты. И каждый раз они обязательно посещают областные выставки достижений народного хозяйства. Помнится, лет восемь назад в одном из павильонов водил экскурсовод чабанов от стенда к стенду и рассказывал:

— Это макет вагончика, современного жилья для чабанов. Он на пневматике. Зимой в нем тепло, а летом прохладно. Мебель, включая тумбочки для телевизора и радиоприемника, из лучших сортов древесины. Трактором «Беларусь» вагончик можно доставить на высокогорное джайляу... Так что, товарищи чабаны, юрту можно сдавать в музей.

И под сводами павильона одобрительно прозвучало:

— Жаксы! Хорошо!

— А это макет передвижной бани, тоже для вас,— перешел экскурсовод к другому экспонату.— Оттапливается мазутом с помощью форсунок. Рассчитана эта походная банька на одновременную помывку четырех человек, а за световой день она может пропустить сорок человек.

— Так это больше, чем у нас людей на отгонном участке!— всплеснул руками благообразный аксакал.

— Баня передвигается на прицепе автомашины «ГАЗ-51»,— продолжал экскурсовод.— Но сейчас завершается разработка более совершенной конструкции — самоходной, на шасси автомашины «ГАЗ-63». Это будет баня-вездеход!

— Жаксы! — гудел павильон.

Аксакал восторженно восклицал:

— Тому, кто пригонит такую баню к нам, в пески Муюнкум, на наш отгонный участок Уланбель, я подарю бархатный халат, которым меня недавно премировали! А после бани устрою бесбармак, какой и хану Аблау не снился!

Лет шесть-семь назад в Джамбуле на выставке участникам слета были показаны уже не макеты, а жилой вагончик и передвижная баня в натуральную величину. Хранители отар пришли в восторг, и на плечи экскурсовода с мягким шелестом лег яркий халат.

— Это не мне,— растерянно лепетал экскурсовод.— Это секретарю обкома партии товарищу Аскаркову... Это он...

Незадолго до этого директора Гранитогорского авторемонтного завода К. И. Зайдентрумфа пригласили в город Джамбул в высокие областные инстанции и предложили организовать изготовление жилых вагончиков и передвижных бань для чабанов.

— Для начала в опытный порядок, за счет внутренних резервов предприятия. А потом получите план, фонды, оборудование, кадры,— сказали ему.— Учтите важность нашей просьбы...

Гранитогорский директор учел и в скором времени доложил:

— Жилой вагончик и баня на колесах готовы...

— На совесть сделали,— похвалили авторемонтников.— Будем двигать это нужное дело.

Шли годы, но дело не двигалось. Впрочем, однажды случай свел гранитогорских авторемонтников со строителями ирригационных систем в Голодной степи. Увидев отделанный линкрустом вагончик, узбекские ирригаторы пустились в пляс и тут же подписали с заводом договор, в счет которого из Гранитогорска было отправлено семьсот таких вагончиков.

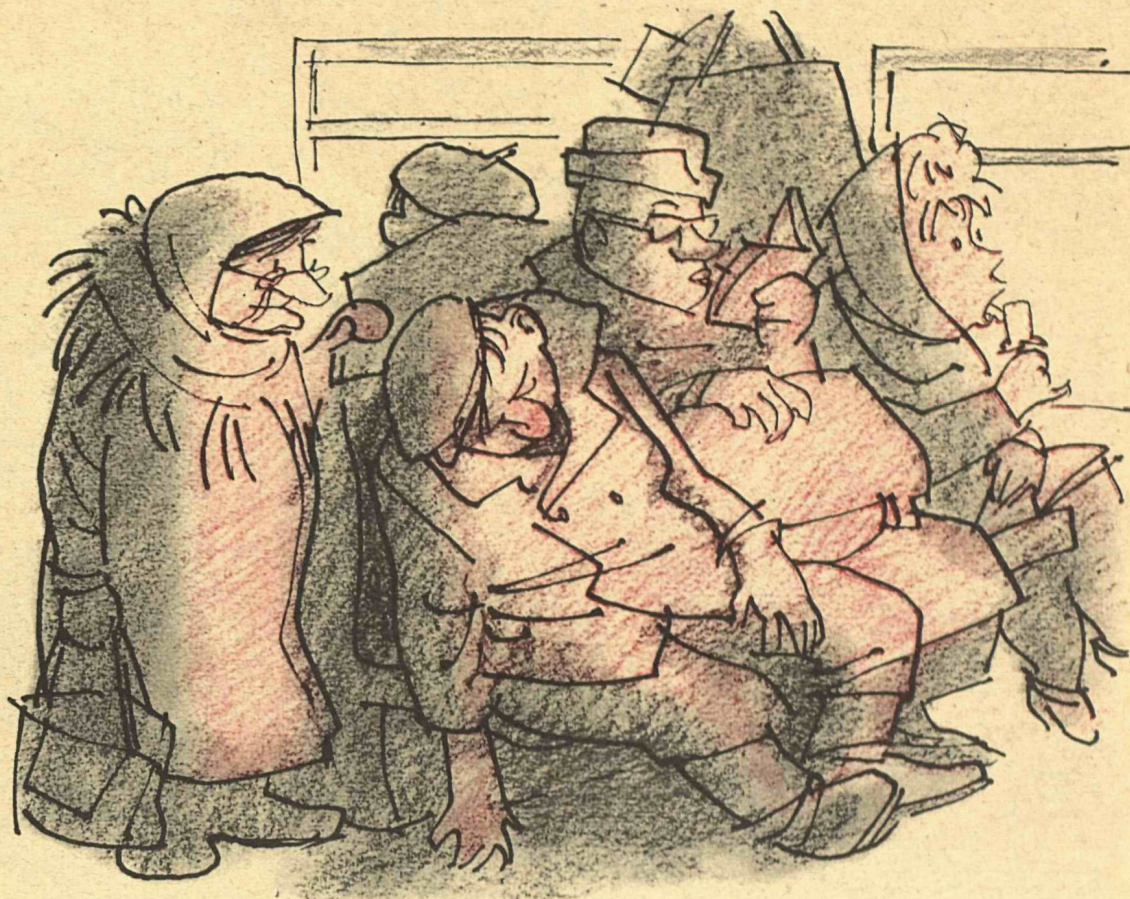
А как же чабаны? Про них забыли. Нет, не на заводе. В планирующих организациях, откуда должны были поступить и линкруст, и древесина, и металл.

...Много воды утекло в реке Талас, что разделяет город Джамбул на две неравные части. Директор авторемонтного завода К. И. Зайдентрумф стал генеральным директором Чимкентского объединения авторемонтных предприятий, но не расстается с мечтой о массовом выпуске чабанских вагончиков и бань на колесах. А. Аскар, первым сказавший «Э», перешел на работу в другую область.

А чабанам по-прежнему показывают макеты-игрушки. Аксакалы и юноши с горькой усмешкой слушают сказки о банях, бросая одно короткое слово:

— Жаман!

Что значит — плохо!

— Какой галантный кавалер!

— Ты что тут с ружьем делаешь?
— Караулю, чтобы Большая Медведица коров не задрала...

В половине десятого вечера я застегнул ватную телогрейку, подхватил мешок на плечи и отправился в Магнитогорск продавать барана.

Все на мне чужое. Баран был не мой, мешок и ватник тоже. Я верну их трактористу Михаилу Сергеевичу Панову через несколько дней. Впрочем, вместо барана привезу деньги. Сколько именно, Панов не оговаривал. Сказал: на совесть.

Шел мокрый, липкий снег. Деревня — полеводы, учетчики, счетоводы, сторожа — спала. Разбитая сельская дорога звучно чмокала под ногами. До шоссе было два километра, до Магнитогорска — за семьдесят.

— Дяденька корреспондент! — раздался прерывистый детский писк: меня догонял сынишка Михаила Сергеевича. — Погодьте! Папаня сказали, чтобы вы лучше вернулись, пока не поздно. Потом сами, говорит, пожайете.

Я молодецки подбросил на спину мешок с бараном и сказал:

— Передай отцу, что не боги горшки обжигают.

— Чево боги?

— Ничего. Иди домой.

— И еще папаня сказал, чтобы вы не торговались. Сколько дадут, — пускай!

— Ладно, иди! Я тебе городских конфет привезу.

Он убежал, обнадеженный. Милый мальчик, дальновидное дитя! Может, напрасно я тебя не послушал? Твоими устами глаголила... Впрочем, об этом потом.

За час я добрал до шоссе. Вскоре вдали показались две яркие фары. Скинув мешок, я с поднятой вверх рукой выбежал на дорогу. Машина, не тормозя, промчалась мимо. Потом прошли, не останавливаясь, вторая, третья...

Я стоял у обочины, одинокий, замерзший, небритый, в грязном ватнике и резиновых сапогах, одоженных Михаилом Сергеевичем у его рослого, «фигуристого» соседа.

Восьмая машина! Ну?! Тормозит!

— Куда тебе, отец? — приоткрыв дверцу, спросил водитель.

— Сынок! — радостно завопил я, хотя шофер по возрасту вполне мог быть старшим ребенком моей бабушки. — Родимый! Подвези до Магнитки!

— Пять рублей, — сухо сказал он.

— Два, — сказал я, вспомнив, что все же крестьянин.

Дверца звонко захлопнулась. Взвыл мотор.

— Милый! — бешено за метался я перед фарами. — Возьми трояк!.. Больше нету!.. Малые у меня!.. Корова не доена!..

Всю эту жалостливую ахинею я чes по совету Михаила Сергеевича. Говорил: действует без промаха.

Получился промах.

— Пять рублей! — раздраженно сказал шофер.

КАК Я ПРОДАВАЛ БАРАНА

Тут сразу хочу объяснить, что больше всего я боялся разоблачения: вдруг заметят, что я не из деревни. Специально три дня не брился, ватник взял позалепистее. Может, перестраховка это, но очень уж хотелось продать барана так, как продают его Панов и сотни других жителей Верхнеуральского района.

Поэтому дал себе слово не говорить красиво.

— Чаво? — выкрикнул я, поддельваясь под староречимый народный говор.

— Пять рублей! — Других слов шофер, кажется, не знал.

— А, забодай тебя индюк, — выругался я по-аграрному. — Твоя взяла.

Баран разместился в кузове, я — в кабине. По пути шофер объяснил мне, что взял он не только для себя, но и для автоинспектора: на штраф. На вопрос, хватит ли трешки, если инспектор не встретится, шофер ответил кратко, что это не моего мужицкого ума дело. Ладно...

В половине четвертого ночи, предварительно расплатившись, я оказался в Магнитогорске, рядом с кинотеатром «Металл».

По-прежнему падал противный снег, но ветер поутих. До открытия рынка было часа два. Смертельно хотелось спать, отчего было особенно холодно. Я поплелся в гостиницу со своим порядком отяжелевшим мешком.

Отлично знаю эту гостиницу, капитальную, с высокими, довоенными потолками, с могучими кирпичными стенами, хлопающим под ногами линолеумом и неистребимыми сквозняками. Там мой пустующий номер 49. Мой — это корреспондента Крокодила, а не тракториста Панова, который, согласно справке, явился сюда (в моем, понятно, лице) для продажи барана.

Меня встретила полная, средних лет женщина в очках. Она-то как раз оформляла мой въезд три дня назад. Женщина меня не узнала.

— Давай отсюда, — ласково сказала она. — Проваливай!

— Куда? — опешил я.

— На кудыжину гору.

Она не говорила, есть места или нет. Странно, но она даже не сердилась. На петуха, случайно забежавшего в чужой двор, не гне-

ваются. Его просто выгоняют. Для нее я отличался от петуха только тем, что не умел кукарекать.

«Как вам не стыдно! — хотелось крикнуть мне. — Ведь я живой человек! Я хочу спать, а на дворе идет такой мерзкий снег. Я замерз, а здесь пустует такое прекрасное кресло. Дайте часок послать в кресле человеку, который привез для вас чудесного кондиционного барана!»

— Чаво? — глухо спросил я.

— Катись, — просто и буднично сказала она.

Я вышел. Потащился в Дом приезжих. Справа звучно гудел промышленный гигант. Слева черными прямоугольными глазами невидяще смотрел на меня спящий горисполком.

Дом приезжих был закрыт. Я постучал. Интеллигентно, костяшкой пальца. Потом громче. Никто не выходил. Потом я колотил кулаком. Потом ногами. Потом мешком с бараном. Никого...

Не помню, долго ли брел я до рынка. Сохранилась в памяти только острая радость, которую я ощутил, увидев у рыночной ограды живого, бодрствующего человека.

Живой человек был в тулупе и при огнестрельном оружии. Кроме того, человек этот был пьян. Но на ногах держался.

Я поздоровался и попросил впустить меня за ограду. Там я видел навес, под которым можно схорониться от мокрого снега и хоть минутку подремать.

— Ишь чего захотел! — ухмыльнулся саркастически тулуп. — Инструкцию знаешь?

Не знал я инструкции. Холодно мне было. И так хотелось спать!

— То-то! — откликнулся охранник удовлетворенно. И без паузы: — Дай три рубля!

— За что же? — воскликнул я.

— За нарушение. Я нарушу, а ты заплатишь.

Дал бы колхозник три рубля этому пьяному вымогателю? Вряд ли! Потерплю и я.

Спустил полтора часа открылся рынок.

(Через несколько дней я расскажу об этой своей поездке в Магнитогорском горотделе милиции. «Ваше счастье, что не встретились с постовым милиционе-

ром! — с улыбкой откликнулся мои собеседники. — Подозрительный тип бродит среди ночи с мешком по городу... Вполне могли задержать...» Видите, мне еще повезло!)

Моего барана проверили в контрольном пункте, поставили на нем фиолетовые печати. Заплатил я за место, за весы и гири, за халат. Рубщик мяса толково разъяснил, что за два рубля «сверху» он разделает моего барана такими порциями, что все кости будут внутри, а мясо снаружи. Наменял, что может разрубить и наоборот. Конечно, я заплатил.

С утра торговля шла бойко. Продавал я по два рубля килограмм. Дороже нельзя: в конце мясного павильона, каменного, добротного, стоит прилавок потребсоюза. Баранина там похуже моей, но зато цена — рубль восемьдесят. Это хорошо сделано: нам, «частникам», приходится равняться.

Рядом со мною продавала говядину молодая башкирская чета — учительница с мужем из Абзелиловского района. Спросил супругов, где они ночевали. Оказывается, у знакомых. Точнее, у знакомых своих знакомых. Лучше ли, чем в гостинице? Нет, хуже. Спали на полу, накрывшись пальто. И дороже. Денег с них хотя и не взяли, но пришлось поставить две «пол-литры».

Оказывается, норма такая есть: бутылка с человека. К двум часам дня я продал последний кусок баранины и отправился пообедать. В рыночной котлетной грязь, котлеты ужасные, через полчаса после еды вспыхивает пылающая изжога. Это не только на мой «прихотливый» вкус, у других посетителей то же впечатление. В киоске «Союзпечати» газет почёму-то нет, только несколько старых журналов. Есть еще красивый газетный автомат, но газеты там старые, для обертки.

Попробовал побеседовать с директором рынка. Мельком взглянув на мой грязный ватник, он скороговоркой бросил: «Потом, потом» — и ушел. Потом его разыскать я не смог.

С Иваном Андреевичем Лапоновым (он оказался не директором, а заместителем) я встретился через два дня. Был я уже не в

ватнике, а в пристойном пальто, не в сапогах, а в туфлях, к тому же при шляпе и очках. Странно, что тут Иван Андреевич моментально перестал торопиться. Он терпеливо и подробно объяснил, что причина всех неурядиц — отсутствие в Магнитогорске специального рыночного управления. Дадут штаты — и сразу настанет благодать.

— А почему охрана рынка вымогает взятки? — спросил я напрямик.

— Вранье! — отрубил заместитель.

Я кратко рассказал о пьяном тулупе.

— Да? — Заместитель помолчал, видимо, ориентируясь. Сорентировался: — А ведь охрана-то вневедомственная. Нам не подчиняется.

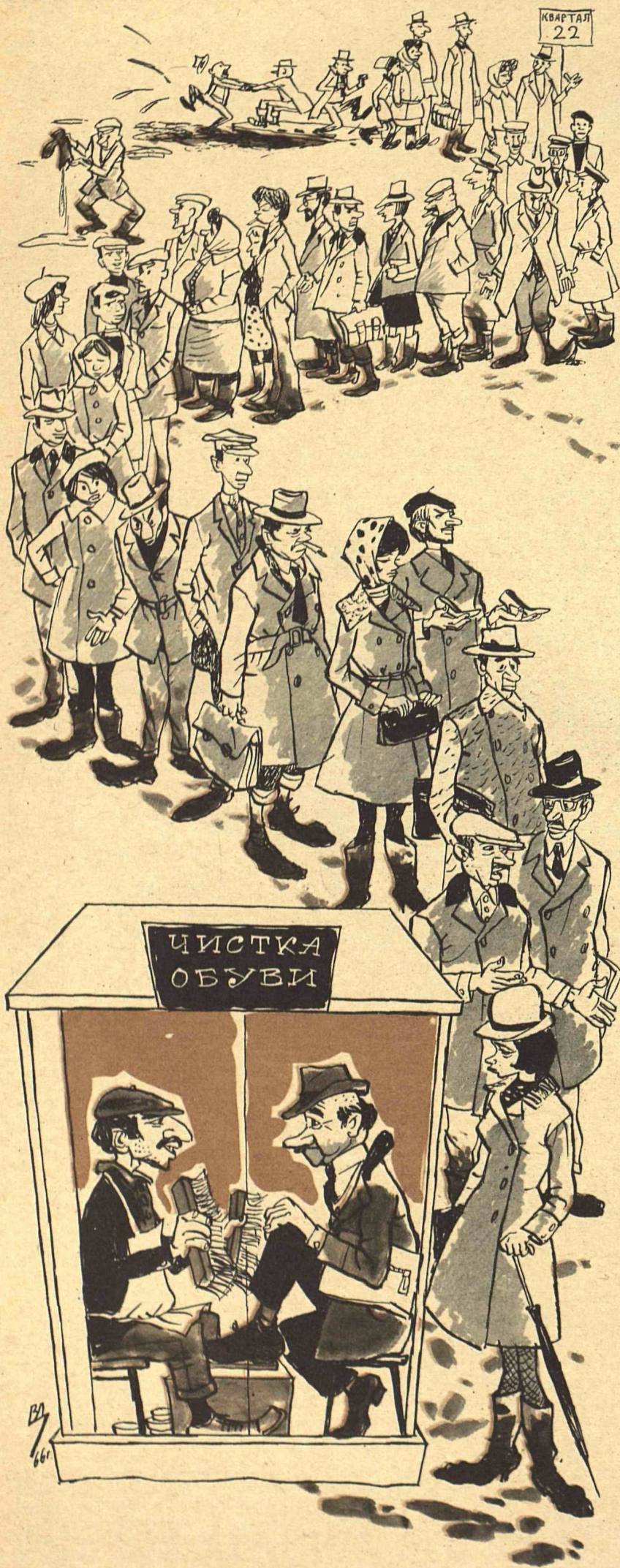
И тут, как видите, все объяснилось.

Назад, в Верхнеуральский район, я ехал уже без барана, в автобусе. Хотел заснуть, но не смог: трясло. Поэтому стал думать о смычке города и деревни. Крестьянин привозит в город плоды трудов своих. Увозит какую-то сумму денег, усталость и стойкую неприязнь к грядущим поездкам.

А разве трудно было бы встретить меня не забаррикадированным Домом приезжих, а приветливо распачнутыми среди ночи (да, среди ночи!) дверями! И кипящим самоваром! И пирожками с повидлом! Чтобы в автоматах на рынке были свежие газеты, а в полдень меж рядов прошлась женщина, предлагающая билеты в театр. Чтобы имелось там что-то для души, например, карусель, или «комната смеха», или читальня с телевизором... Ведь исстари велось, что крестьянин приезжал на ярмарку, как на праздник! Да мало ли можно придумать, если видеть во мне не конвой к продаваемому барану, а человека, живущего вдали от благ городской культуры.

Сейчас жителям крупных центров легче купить на колхозных рынках свежие и вкусные продукты. Благодаря известным мерам правительства их легче и производить. А вот продавать?.. Да ещё барана... Да ещё зимой...

В. НАДЕИН,
специальный
корреспондент Крокодила
г. Магнитогорск.

— Никак новый микрорайон заселили?

Рисунок Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО

Б. ШАРЫПОВ

ФЛЕГМОНА

Владим Фомич был человек умеренного роста, умеренной комплекции и умеренного ума. Дураком он никогда не слыл, курил в меру, хорошо ел и пил, ходил в кино и болел гриппом. Его можно было встретить на улице, в магазине, в театре—где угодно, но всегда с покровительственно-скептической улыбкой на лице. Знакомый, увидев его в очереди к гардеробу, кричал:

— Владимир Фомич, привет! Слушайте, возьмите и мне пальто, пожалуйста. Ну, как концерт, а? Молодцы, как они здорово!..

— Что вы восторгаетесь? Кто их только пустил на сцену? Неприкрытая халтура.

Знакомый терялся и уж совсем скисал, когда Владимир Фомич, протягивая ему пальто, говорил:

— Возьмите ваш нэповский пальтунган. И где вы только достали эту архаическую штуку?

Он всегда так говорил, Владимир Фомич,—вычурно и с язвочкой. Хотел он этого или не хотел, но он всегда портил людям настроение...

Две девушки в автобусе говорят о предстоящих экзаменах. Наш герой тотчас вступает в разговор.

— Вы, девушки, успокойтесь. Ничего страшного не будет, получите по неуду и пойдете на «Приключения Питкина в больнице». Похохочете... Да вы не возражайте. Я же знаю. Вас обязательно завалят. Это я вам говорю. Уж я-то знаю.

Тут Владимир Фомич слышит, как молодой человек рассказывает другу о предстоящем свидании, и иронически усмеивается:

— Мне жаль вас, Ромео. Вхолостую пробегитесь на свидание. Поверьте.

— Что вхолостую? — спрашивает Ромео.

— Торобитесь к своей Джульетте. Потом плакать будете. Она не придет. А в то время, когда вы, мой дорогой Ромео, будете в ожидании ее обнюхивать букет гвоздики, какой-нибудь Яго будет облизывать вашей Джульетте губы. Женщины — они все такие...

— Да как вы смеете!..

А Владимир Фомич уже теребит пуговицу соседа.

— Так-так, значит... Авосечка, кулечки, сверточка — продукты везете. Я понимаю, муж должен помогать жене. Да, нам, мужчинам, иногда так хочется сделать приятное женам, ведь верно?

Сосед согласно кивает головой.

— Только номер не пройдет. Думаете, ваша жена будет рада? Как же, рады они! Все жены — эгоистки. Вы к ним с улыбкой, а они вас метлой. Вот увидите, эти кулечки в вас же и полетят...

Наш герой видит знакомых.

— А, Эндрюша... С кем это вы? Танюра... Ясенько. По глазам вижу: сочтаться хотите. Что вы краснеете? Вон у вас мизинцы-то морские узлы вяжут. А вы знаете, что такое, собственно, жизнь? Это не дерево, которое бесконечно растет. Это начала и концы. Рождение и смерть. Где-то между ними зеленый островок молодости, который вы, уважаемые товарищи, спешите упрятать в голубую люльку брака. А вы знаете, что такое брак?

— Чуть-чуть, Владимир Фомич,— едва слышно отвечают Эндрюша и Таня, напуганные предисловием о жизни.

— Так вот. Брак и счастье — это день и ночь. Брак и бремя — близнецы-братья.

Владим Фомич упивается собственным красноречием. Выдает на-гора массу скептических ухмылок, оскалов, пауз, жестов, сопровождая ими монолог о браке и жизни. Эндрюша и Таня становятся немного жутко.

— Брак — это подвал. Там темно... Темнота — это не мудрость! Жена — это не ах, это ох! Дети — это не цветы. Это сопли, коклюш и пеленки...

Владим Фомич не сразу стал таким. Сначала он был Владюней. Маленьким таким, розовощеким мальчиком. Очень впечатлительным. Владюне не повезло. Его учителями были бабушка и дедушка. Они упали на бога и говорили, что все в руках господних. Потом их сменили мама и папа. Владюня держал маму за ручку, а мама в это время втолковывала соседке, что весь свет — обман, а люди тусклы и, кроме того, друг другу враги. Дома мама без конца говорила это папе. Папа согласно кивал головой. Мальчик Владюня все это слушал и подозревал в своих сверстниках злющих неприятелей. Маму с папой поддерживал дружный дуэт дяди с тетей. Владюня усваивал. В его душе родилась язвочка. Она прижилась, росла вишь и вглубь.

В двадцать лет язвочка превратилась в флегмону, а мальчик — во Владимира Фомича. С тех пор Владимир Фомич живет со своей флегмоной — солит и перчит людям.

Флегмона по медицине — разлитое гнойное воспаление подкожной или межмышечной клетчатки. Флегмона требует оперативного хирургического вмешательства. Но это так, между прочим. Не вскрывать же Владими Фомичу голову скальпелем!

г. Нукус.

— Сегодня ты взял гайку, завтра — болт, а потом, глядишь, и коробку скоростей. Что же это получится?
— Мотороллер.

Рисунок Е. ГОРОХОВА

В ноябре на непогоду не жалуются. Это явление нормальное. И я молча шлепал по лужам, направляясь со станции Гжатск в городскую гостиницу. Так же молча шагал мой попутчик, широколицый пожилой человек в промасленном комбинезоне. Только выбравшись на асфальт, мы разговорились.

— Вы из «Крокодила»? — с любопытством переспросил мой спутник. — А про Бурякова Егора Александровича не слыхали? Ну, это же как раз по вашему ведомству. Для статьи. Или, может, вы стихи умеете?

— Не умею стихи, — признался я. — А кто это Буряков?

— Директор совхоза «Пречистое». Тут рядом, под Гжатском. Такой уж шутник, такой весельчак Буряков этот — ну!

— За что же его в «Крокодил»? — спросил я. — Хорошая шутка — делу не помеха.

— Точно! — подтвердил собеседник. — И вот вам пример. Едут как-то Буряков с главным агрономом в «газике», видят, картошку на поле люди убирают. Агроном вышел из машины проверить, как идет работа, не оставляют ли клубней в земле. Ну, хорошо. Посмотрел, все в порядке, возвращается. Только не дошел он двух метров до машины, как директор нажал на акселератор — и ходу! Стоит агроном, глотает пыль, обиду глотает. При людях ведь, представьте! А что делать? Потопал пешочком. Двенадцать километров! Хороша шутка?

— Шутка, конечно, неумная, издевательством пахнет, — сказал я, — но для журнала факт мелковат. Мало ли! Может, они из-за чего повздорили, вот директор и уехал, чтобы дело обошлось без ругани... Он же не ругался? Вот видите!

— Насчет ругаться — это он с полным удовольствием, — возразил попутчик, — в любое время дня и ночи! Особенно при женщинах. Уж такие нюансы он для разговору с ними подбирает — диву даешься! Жалко, повторить не могу. Язык не поворачивается. Да вам и ни к чему: все равно их печатать невозможно. Они так и называются: непечатные.

— Да, к сожалению, специалистов по нецен-

ЕГОР БУРЯКОВ ДРУГИЕ

зурным выражениям еще хватает. Сами понимаете, о каждом фельетон писать не будешь. Вот если бы он, Буряков ваш, еще и дрался, например...

— Было, было! — оживился мой собеседник. — И это у него лихо получается. Как-то председатель группы народного контроля посмел ему замечание сделать, так еле от него ноги унес. Сидяки до позднего вечера считал. Директор, он мужчина в соку. Заедет кому в радиатор — успевай только царя Давида поминать. И всю кропотливость его.

Я возмутился:

— Этот Буряков — просто распоясавшийся хулиган! Но ведь есть же у вас суд, милиция? Наверное, вмешались?

— Вмешались. Только уже не с этим председателем народного контроля, а с новым. Деменков зовут его, Василий Федорович. Он на собрании однажды покритиковал директора за грубость. Да и вот вскоре собирается директор в Гжатск и приглашает с собой Деменкова. «Едем», — говорит, — Василий Федорович, вызывают нас с тобой в горком». Поехали. Только в городе вдруг Буряков говорит шоферу: «Стой-ка, у меня тут одно маленькое, ну просто крохотное дело есть, на пять минут забегу». Идет в отделение милиции, а оттуда звонит секретарю горкома партии Аргонову: «Выручайте, Николай Мартынович, тут на площади Деменков мой дебоширит. Пьяный в стельку, дерется, к прохожим пристаёт и еще останавливает мимо проходящий транспорт. Машин скопилось — как на Невском проспекте в часы пик!» Аргонов забеспокоился, дает приказ

милиции: взять этого дебошира, который создает пробку на транспорте! Лейтенант милиции, держа левой рукой трубку, правой отдал честь — и бегом на площадь. За ним следом Егор Буряков, готовым протоколом на ходу размахивает, чтобы чернила быстрее высохли. А в протоколе уже все обстоятельно обрисовано: и про дебош, и про оскорбление прохожих, и про задержание транспорта...

...Так и отсидел Василий Деменков десять суток. Да, потом разобрались. Прокуратура опротестовала. Оказалось, что протокол фиктивный, так что вышло все наоборот: хулиганил директор, а вовсе не Деменков.

— Значит, теперь Бурякову десять суток дали?

— Уж вы скажете!.. Буряков после всей этой истории в Цхалтубо уехал отдыхать. Нет, просто Деменкову объявили: решение суда отменяется, неправильное потому что... Считайте, что вы не сидели и наголо вас никто не стриг... Возможно, что даже и расходы за десятидневное заключение с вас не взыщут.

— И никто перед ним не извинился?

— А кто? Буряков торопился на юг, я уже сказал. Ему было некогда. А суд, милиция... Это как-то неудобно. Ну, был бы еще Деменков видной фигурой, а то так... инспектор по кадрам.

— Но он же и председатель группы народного контроля?

— Он же и заместитель секретаря партбюро. Ну и что? Он же и председатель комиссии по пенсиям. Он же и председатель родительского комитета. А в селе, сами понимаете, неуважаемого человека на этот пост не выдвинут. Он же и офицер запаса, фронтовик, орденоседец. Ему ведь шестой десяток идет, два сына уже в армии... Голова совсем седая, которую наголо стригли-то...

— Да как же...

— А вот так. Может, скажете, и сейчас факты мелковаты?

— Нет, — сказал я. — Факты в самый раз.

С. СПАСКИЙ,
специальный корреспондент Крокодила
Смоленская область.

ЗУБАСТЫЙ МЛАДШИЙ БРАТ КРОКОДИЛА

Александр НИКОЛАЕВ

Красная Шапочка

Ах, была у Красной Шапочки мечта: поскорее повзрослеть да подрасти, поскорей перешагнуть через года, словно из леса, уйти!

Чтоб какой-нибудь семнадцатой весной, тоже с детством распространившийся навек, на какой-нибудь тропиночке лесной повстречался ей не волк, а человек.

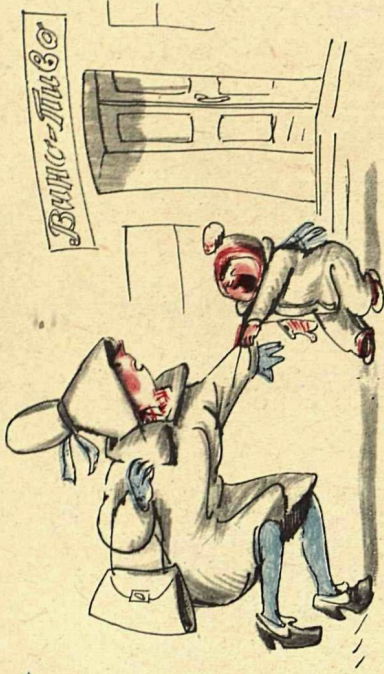
Сказка было обернулась наяву. Что мечталось, все свершилось наконец. И приехал с Красной Шапочкой повстречавшийся ей где-то в Москве молодец. У него, совсем как в сказке, добрый взгляд и такая обходительная речь, что в общественном порядке норовят мама с бабушкой пирог ему испечь. Только стали домочадцы примечать, что ему уже приелись пирожки, что он начал потихонечку рычать, что он начал потихонечку рычать, рычать, рычать, рычать.

Красной Шапочке показывать кляпки. Даже серой стала Шапочка на вид: — Разве хуже мы относимся к нему? Почему как будто в лес он норовит? Маму с бабушкой призывает он почему? И никак не может взять бедняжка что на эти «почему» — один ответ: просто встретился ей снова серый волк, только был он не по-волчьему одет.

«ДВОЕ НА ОДНОГО»

Работники Джанги-Джольского райпотребсоюза Ошской области нарушали правила кооперативной торговли, а когда ученик Саша Кожвинников написал об этом в «Зубастик», они попытались убедить его отказать от своего письма. Об этом рассказывал фельетон «Двое на одного», опубликованный в № 8 (20) «Зубастика».

Как сообщил редакция начальник Главного управления заготовок Киргизпотребсоюза тов. Б. Абылгазиев, факты подтвердились. Фельетон был рассмотрен правлением Ошского райпотребсоюза. Правление обязало райпотребсоюз, потребобщества и райкоопы области обсудить фельетон на расширенных совещаниях правлений с участием работников торговли. Бюро Джанги-Джольского райкома партии обьявило председателю райпотребсоюза тов. Ч. Асанову выговор.

— А-а-а! Папа в этом магазине мне всегда покупает шоколадку!

Рисунок С. КУЗЬМИНА

НА СРЕДНЕМ УРОВНЕ

Тут не играли. Зал аплодировал. Сметана не взрывалась. Было тоскливо. Представитель областного управления недоумевал.

— Ничего не понимаю! — сбился на он. — Что за миморы! Собирайте-ка людей, давайте музыку, буду грамоту вручать. Радоваться должны — Москва наградила.

— Тише! — умоляюще шептал директор техникума Алексей Никитич Свинаренко. — Пожалуйста, тише!

Представитель взял под руку и провели черным ходом в кабинет директора. Здесь он развернул грамоту, собираясь торжественно зачитать хвалебный текст. Но не успел: ее тонко выткнули у него из рук Алексей Никитич дважды повернул ключ и облегченно вздохнул.

— Слава тебе, господи! — сказал он.

Представитель укатил к себе в Оренбург, и пошли гулять по оренбургским степям легенды

о необыкновенной скромности Бuzuлукского индустриального педагогического техникума. Ведь грамота была и в самом деле почетной: Госкомитет Совета Министров РСФСР по профтехобразованию наградила техникум за третье место во Второй всесоюзной заочной спартакиаде. Скромность руководителя Делю в том, что перед самым визитом областного представителя в техникуме была комиссия по проверке спортивно-массовой работы. И доктор копалась-таки, дотошная, что не только работы этой с гулякин нос, но даже уроки физкультуры частенько срываются: то нет учащихся, то нет преподавателя Николаева. Слу-

чалось, правда, бывали и учащиеся и преподаватель, но следный никак не мог продемонстрировать прыжок через «коня» по причине дрожавших с послемишья конечностей.

После комиссии о спортивных делах техникума разговорились: и на педсовете, и в Барнауле, а они — в Бузулуке? Нет, в Госкомитете люди сидят внимательные. И они хорошо вчитывались в справочники, подписанные директором техникума. Ведь спартакиада была заочной, и этих документов было достаточно для подведения итогов. А техникуму никогда не скучилась на высокие бумаги. Составленные с высоким искусством, они умили. Из них явствовало, что в

руководимом Свинаренко учебном заведении практически все занимаются спортом: бегают, плавают, шарлят в футбол, и даже прыгают с парашютом, обдумывая на лету очередную шахматную комбинацию.

Но будем справедливы: в отчетах этих никогда не появлялось максимальных цифр. Ведь очковтратители бывают разные. Одним нужны лавры, премии и публичные восторги. А есть очковтратители тихие, неприжатые. В тени норвят держатся. — На, что мне премии! На что мне благодарности! Машет руками Алексей Никитич. — Если б знал, что грамоты дадут, думаете, подписал бы отчет? Да избави боги! Снизил бы цифры — слово даю! Я же

Р. КИРЕЕВ, специальный корреспондент Зубастика

г. Бузулук.

не какой-нибудь хапуга-очковтратитель! Что правда, то правда. Не гонится Алексей Никитич за высокими наградами. И вообще очковтратитель он лишь по столу-поскольку.

С одной стороны, неудобно бросаться в глаза низким показателями, а с другой — меру надо знать, не перебарщивать. Эффектные показатели не раживают. Ну их! Лучше всего держаться чуть выше среднего. Тогда и упреков и подозрений меньше.

— Вот только грамота нас подвела, — вздыхает Свинаренко. — А то бы до сих пор гордо не знали. Рядовых-то очковтратителей не больно вниманием балуют...

Мудрый он человек, Алексей Никитич!

ХИТРОЕ «ДЫШЛО»

Вчера в эфире появилось «Дышло». Сегодня «Дышло» надуло меня. — Здорово, «Заташник», здорово! Как слышать, отвечать. Прием! слышно слышно...

Дорогой Зубастик!

Недавно я присутствовал на заседании бюро комитета ВЛКСМ

ком... отозвался? И... Где ты себе такую станцию оторвал?

— «Дышло» самодовольно хихикнуло. Что, кстати, делаешь завтра, в воскресенье?

Я крикнул:

— Бить баклуши буду, баклуши бить собираюсь!

— Ну и чудило ты,— огорчилось «Дышло». — Есть идея, прислушайся. Давайте завтра всем нашим миром соберемся к де-спати ноль-ноль возле большого фонтана. Посидим в ресторанчике, туда-сюда... Я коньячку классного подкину. Идет?

Кто ж от милого предложения откажется? Я гаркнул:

— Согласен, даже слюнки текут, до того согласен. Договаривайся с остальными!

Спустя минуту «Дышло» уговорило «Кисю», «Кисья» помогла сманить на культурный отряд «Архангела», «Архангел» — «Ковбой», «Ковбой» — «Метелку», «Метелка»... ка»...

Эфир аж содрогался от радости.

— Ура, «Дышло!» Сообщил свои приметы.

«Дышло» лицоvalo не меньше других.

— Буду в светлом пиджаке, мой корешок держат под мышками свертки. До встречи.

Я пришел на площадь после «Кисей».

Приветик «Дышло!»

— Ничайшее с кисточкой «Загашнику», — ответили в один голос наши новые знакомые.

Вскоре «Дышло» отрекомендовались «Ковбой», «Рыцарь» и «Метелка». Форум полнейший. Мы вконец поглядывали на увесистые свертки, в которых, чудилось, почтохтывают наследками бутылки с янтарной жидкостью.

Значит, явка стопроцентная? — оглядывая нас, спросило, наконец, «Дышло».

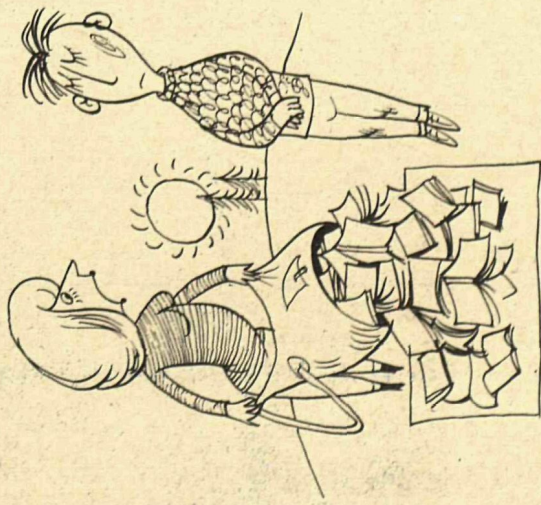
Молодцы, люблю организованый народ... — Стопроцентная! — перебили мы его хором.

Тогда «Дышло» хитровато улыбулось и, обращаясь к своему другу, неожиданно приказало:

— Ведите, товарищ сержант, задержанных в отделение!

Так мы начали свой «отдых» в то памятное воскресенье. Мало того, что по пятнадцать суток влепили за хулиганство в эфире, так еще и всю аппаратуру отобрали. «Дышло», как говорится, нам боком вышло!

г. Горловка.
Вл. ТОЧКИН
(«Ночегарка»)

— А кроме стихов, ты что-нибудь из дому захватил?

Рисунок В. ШКАРБАНА

— Кому достанется спичка без головки, тот и пойдет на родительское собрание.

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА

П а и - м а л ь ч и к

А. САЛЕНКО

Музыканка строго смотрит на Ивана Щукина.

— Сколько человек у вас не охвачено поручениями?

— Три,— отвечает Иван и краснеет до корней волос.

— Ну, ты, товарищ Щукин, не смущайся. Все-таки определенная работа проделана, а с этими тремя вам надо будет еще повозиться.

— Всегда готовы! — Иван спрашивает плечи, и его голос приобретает металлическое звучание.— Во главу угла всей нашей работы мы поставили воспитательную работу, боремся ежедневно за человека будущего, развиваем индивидуальный подход, охватываем... — Ты мечтаешь умеешь, товарищ Щукин! — прерывает его Музыканка.

— Человек без мечты — что птица без крыльев! — уверенно отвечает Иван.

— Правильно, Щукин! Ты вот скажи, какой представляешь школу, скажем, через сто лет!

— Ну... убежденно говорит Иван.— Не будет учителей... таешь! — прерывает Музыканка.— Главное — это то, что через двадцать лет все как один будут охвачены поручениями. Но для того, чтобы это стало былью, надо трудиться и трудиться!

— Правильно, товарищ Музыканка! — подхватывает Иван.— зикина! — подхватывает Иван. —

следующие мероприятия: тепло встретить перелетных птиц, взять шефство над троллейбусным парком и выделить двадцать внештатных контролеров, добиться в отделе милиции выделения одного инструктора для обучения наших девочек борьбе самбо и проводить раз в неделю журнал у кафе «Спорт» в целях борьбы с пьянством и хулиганством. План, как видите, не очень трудный, и я думаю, что наш 5-й «Б» вполне с ним справится.

— А в футбол вы играете?

— Нет, эта вредная игра у нас полностью искоренена. Довольно разбитых окон! Мы играем теперь в тихие игры, которые проходят на высоком уровне, в обстановке сердечности и благожелательства.

— Молодцы, ребята! — Музыканка горячо обнимает Ивана Щукина и сует ему в руку конфету.

— Конфеты, а также морозца и мешают ему правильно развиваться. Так что, спасибо, но сладкого я не ем,— с достоинством говорит Щукин и удаляется.

— Идеальный ребенок! — шепчет Музыканка, провожая его теплым взглядом. На ее ресницах повисает слеза умиления.

г. Херсон.

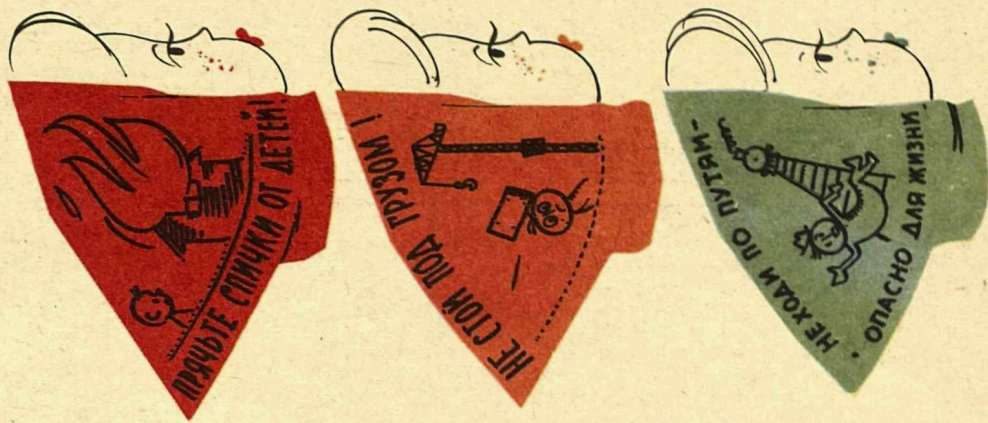
одного нашего района, и мне было неудобно и стыдно за секретаря этого комитета.

— Поздравляю тебя с этим делом! — сказал секретарь, пожимая руку девушке, вступившей в комсомол. И затем обратился к членам бюро: — Давайте пока мы тут еще горячее, обсудим одно персональное дело.

Этот же секретарь установил рекорд по произношению слов-паразитов. В течение четырех минут он произнес 25 раз «понимаете ли». Я не брал во внимание другие слова: «так сказать», «значит», «характерно», «сказать», «понимаешь» и т. д.

Я не указываю фамилию секретаря не только потому, что он человек еще молодой и времени на исправление «этого дела» у него хоть отбавляй. Причина такая же болезненная страдания и некоторые другие наши комсомольские руководители. И пусть каждый из них поразмыслит над «этим делом».

В. БОЛЬШЕДВОРСКИИ
г. Комсомольск-на-Амуре.

Предложение Зубастика о рациональном использовании косянок.

Рисунок М. УШАЦА

ВСЕ ТОТ ЖЕ ДУХ

САЙГОН. Военный атташе боннского посольства в Сайгоне полковник Йоахим Чашель получил из рук командующего южновьетнамскими войсками «почетный крест первого класса». Награда дана за проявленный полковником «дух сотрудничества с вьетнамскими вооруженными силами». Ранее этот дух был хорошо известен в Европе, однако носители его получили малочетные березовые кресты. Во Вьетнаме для этого применяется бамбук.

АВТОР, УБИВАВШИЙ ЧИТАТЕЛЕЙ

КОПЕНГАГЕН. Одно из местных издательств, идя навстречу пожеланиям датских почитателей Гитлера, выпустило пятитысячным тиражом фашистское евангелие «Майн Кампф». Издателей не смутило, что автор этой книжонки в свое

время оккупировал и поработил Данию. Видно, прав был Шекспир: неладно что-то в Датском королевстве.

ПОСЛЕДНИЙ «ВИЗГ» МОДЫ
ПАРИЖ. Последняя мода — клипсы, в которые вмонтированы крошечные транзисторы. Владелица таких украшений может совместить полезное с приятным: привлечь внимание оригинальными сережками и одновременно слушать радиопередачи. Говорят, что жрецы моды пойдут дальше. Вопрос лишь в том, во что теперь вмонтируют приемники: в каблук туфель или шиньоны...

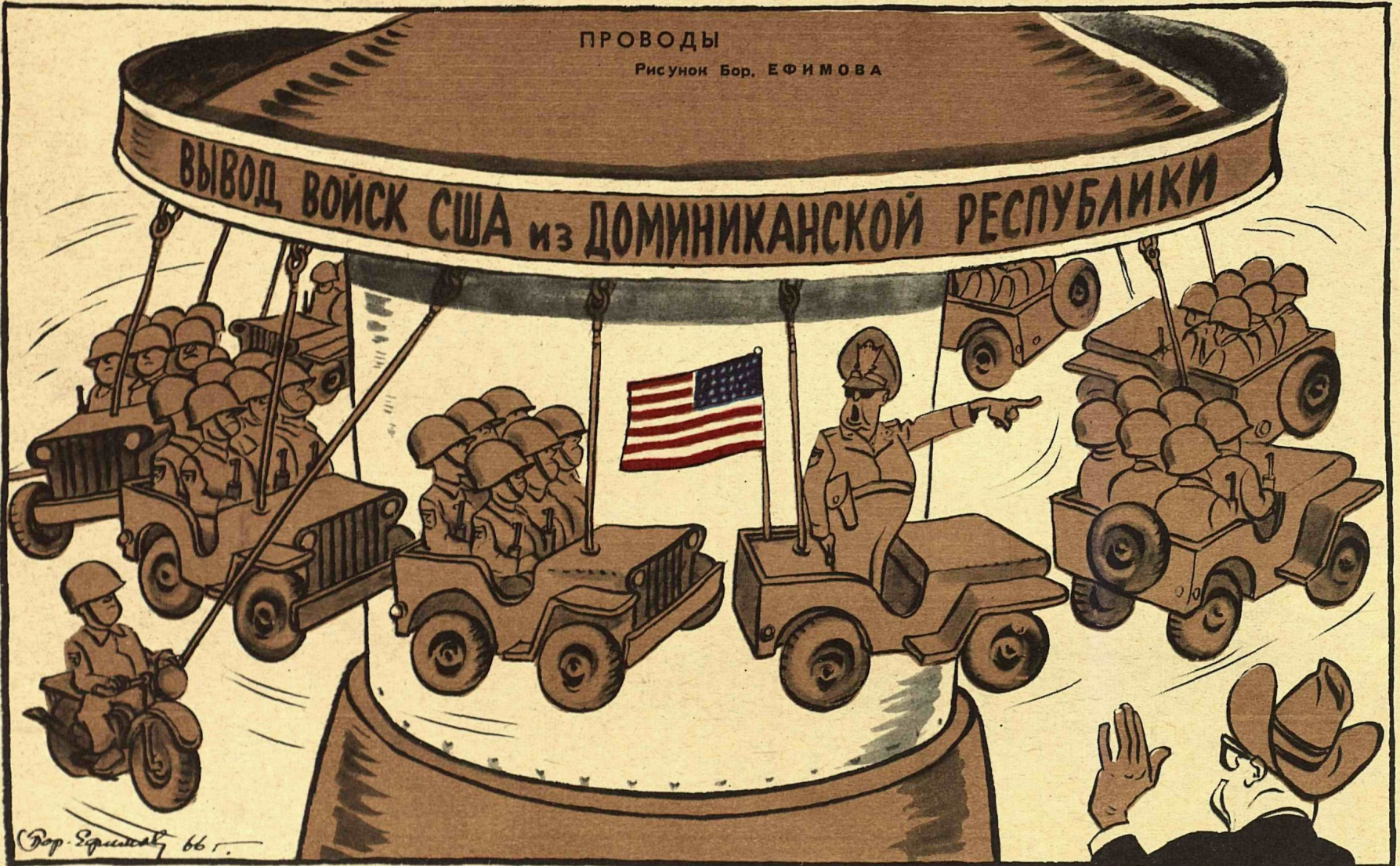
ПСИХИАТРЫ ПЕРЕСТРАИВАЮТСЯ

ЧИКАГО. Состоявшийся недавно симпозиум психиатров в Чикаго рассмотрел вопрос о необходимости срочного изучения не сумасшедших, а нормальных американцев. Доктор Дэйвид Хомбург, руководитель кафедры психиатрии Стэнфордского университета, заявил: «Тайной для науки является не чудовищный рост душевнобольных в США, а то, каким образом часть людей ухитряется оставаться нормальными. Вот этот феномен и подлежит тщательному изучению, пока еще имеется достаточно объектов для исследования»...

Неплохое медицинское заключение по поводу духовного здоровья «великого общества», прославляемого президентом Джонсоном!

ПРОВОДЫ

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

Ласло ФЕЛЕКИ

АФОРИЗМЫ

Вундеркинд — это тот, кто в детстве знает или умеет больше, чем в зрелом возрасте.

Когда же новый Коперник объяснит каждому человеку в отдельности, что мир вертится не вокруг него?

Х. оскорбляет людей тем, что считает их себе равными.

Самообожание часто является грустным примером того, как человек расходует свою любовь на недостойных.

Из многих северных учеников вышло немало знаменитых исторических личностей. Как видно, легче историю делать, чем учиться.

Автор анонимки не жаждет личной славы.

Перевела с венгерского Елена ТУМАРКИНА.

Банки и янки

Живут-поживают в Нью-Йорке два Смита.
Каждый Смит — стопроцентный янки,
Каждый деньги держит в банке:
Один — в своем — на Уолл-стрите,
Другой — в консервной простой жестянке.
В разных банках лежит капитал,

Разный в банках звенит металл.
Смит-банкир считает проценты,
Смит-безработный считает центры...
Но каждый Смит — стопроцентный янки:
Имя «Смит» украшает банки!
Разные банки у разных янки.

Н. ФЕДЮРКО

Втрое больше—или ничего!

Автобус остановился возле здания Дома культуры. Колхозники стояли шпалерами.

Колхоз имени Кирова завершил полевые работы. Пензенская облфилармония откликнулась на это выездным концертом.

Из автобуса, овеяв лицо сложенной вдвое афишей, спустился на землю маэстро Байкалов. Он улыбался.

За ним, посылая колхозникам воздушные поцелуи, спорхнули на землю Вера и Зинаида—исполнительницы песен народов.

— Прошу всех в зал! — промолвил Олег Байкалов, выпуская манжеты как можно наглядней.— Зинаида, готовься к выходу.

Маэстро Байкалов прошел за сцену. Вскоре занавес обнадеживающе колыхнулся. Зрители поощрительно захлопали в ладоши.

Но никто на сцену не вышел. Край занавеса отогнулся, и в складках сверкнул пытливый глаз маэстро, нацеленный в зал.

Затем складки сошлись, и в зал донесся голос маэстро:

— Завклубом, идите сюда! В зале народу на три рубля!

— На шестьдесят пять,— оправдывался директор Дома культуры Аникин.— У нас колхоз небольшой.

— Двести рублей! — стуча манжетами, крикнул маэстро.— Иначе уедем. Зинаида, пакуйте реквизит. За шестьдесят пять рублей приглашайте цыгана с медведем. Втрое больше—или ничего!

— Нету,— сгорал от стыда директор.— Местность у нас малолюдная.

— Зинаида, идемте! — сказал маэстро Байкалов.

— Да,— говорили колхозники, расходясь по домам.— Все-таки себестоимость ихняя падает. Прошлый раз, уезжая, еще больше ломили.

Ц. Ц.

Я призадумался...

«Сам лично я удочек не забрасываю, но присаживаюсь возле рыбаков и участвую в рыболовном спорте больше подсматриванием.

В этом году на отдыхе вышел я раз утром на речку, смотрю, сидит какой-то лысый. Три удочки запустил в воду и мечтательно смотрит в так называемую синюю даль. Посидели мы эдак с полчаса, я говорю:

— Вроде не клюет, уважаемый.

А он посмотрел на меня злобно и спрашивает:

— А что должно клевать?

— Как что? Рыба.

— Тут нет никаких рыб уже три года.

— А что есть?

— Фенол. Рыбы истреблены все до одной.

— Кто же это их истребил?

— Дирекция фабрики, которая спускает в реку неочищенные сточные воды.

— Если это в самом деле так, я не очень понимаю, для чего, уважаемый, вы здесь удочки расставили.

— Сельди вымачиваю.

Я невольно отодвинулся от лысого на несколько метров, но все-таки осторожно заметил:

— Ну, хорошо, но ведь их нельзя будет есть после этой воды.

— А это не для еды, это чтобы крыс травить.

— А отравы в этой воде получается?

— Первосортная. Стоит только крысе попробовать, и сразу ей конец».

Это из рассказа известного польского юмориста Веха (Стефана Вехецкого), опубликованного в русском переводе в начале 1966 года в сборнике «Сирена в котелке». Рассказ называется: «Что нельзя — то нельзя».

А вот еще:
«Рыболовством я не зани-

маюсь: терпения не хватает сидеть да ждать. Но, признаться, очень люблю незаметно наблюдать за энтузиастами крючка и блесны. Как-то прогуливаюсь я в воскресенье утречком берегом Цны, любуюсь видами природы... и вижу: мужчина средних лет, в соломенной шляпе, сидит под устином и удит рыбу. Ну, я тоже присел неподалеку... Пятнадцать минут проходит, двадцать — поплавок ни с места...

— Не клюет? — сочувственно спрашиваю.

Тот непонимающе уставился на меня.

— Что не клюет?

— Рыбка не клюет у вас? — говорю.

— А откуда здесь рыба быть... Ты, друг, с Луны свалился,— поначал головой мужчина.— Тут всю рыбу давно перетравили сточными водами с химкомбината.

— Тогда что же вы ловите? — не понял я.

— Не ловлю я,— строго поглядел на меня мужчина,— колбасу в воде отмачиваю, милый, вот что. Мышей у меня дома — пропасть, так я их этой колбасой травить буду.

— Вот оно что! — удивился я.— И здорово помогает?

— Еще как! Лучше всякого крысида или чего там еще в магазинах продают. Я призадумался».

А это из рассказа Г. Кизеля «Нет худа без добра», опубликованного в «Тамбовской правде» 9 июля 1966 года. Прочитав это, я призадумался: до чего же ленивый плагиатор пошел! Хватает не мудрствуя лукаво, без всякой выдумки. Впрочем, выдумка есть: сельди замачивают колбасой, а крысы — мышами...

Ф. БЕЛОХВОСТОВ

МУЗА
МУЗКОМЕДИИ

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

Андрей ВНУКОВ

СТИХОМУЧЕНИЕ

Отчего поэт затих
И полна печали поза?
На других находит стих,
На него... находит проза.

ТОПОР ДРОВОСЕКА

В Лесгизе издали «Топор дровосека» —
Роман середины двадцатого века
О том, как губили леса браконьеры
От эры древнейшей до нынешней эры.

В романе дела браконьеров клеймились.
И все их повадки под корень рубились,
К тому ж приводилось немало
примеров,
Как можно избавиться от браконьеров...

«Топор дровосека» везде почитался.
Владела им каждая библиотека,
И лишь браконьерами он не читался.

...В лесу раздавался топор дровосека

ЧЕГО НЕ ХВАТАЕТ

Пишет сонеты новейший Петрарка,
Только от них не прохладно,
не жарко:
То ли ему не хватает Лауры,
То ли ему не хватает культуры...

КУРИЦЫНА ДОЧЬ

Ее не замечали петухи,
И вот уже который год подряд
Она сносила грустные стихи
И относила их в «Главкуриздат».

ПУСТЬ ЗНАЮТ НАШИХ!

— Уважаемые земляки-рубжане! — радостно потирая руки, объявил ведущий. — Слушайте и смотрите литературно-музыкальную композицию «Слава труду». Маэстро, музыку! Погас свет, и из оркестровой ямы полились какие-то звуки. На пьедесталы поднялись чтецы. Один из них, указывая на мужчину во втором ряду партера, продекламировал:

Вот наш ударник Иван Чухрай.
Он знает химии передний край.
Он и теперь, как и когда-то,
Изобретатель и новатор.
В труде нелегком пионер.
Его дела для всех...

— Пример! — гаркнул кто-то из зала.

В зал спустились две девушки. Они взяли Чухрая под руки и потащили на сцену.

— Зачем? Не надо, — покраснел маяк.

— Не упирайтесь, — нахмурились девушки. — Так по сценарию положено.

Чухрай вырвался и опрометью кинулся из зала. Но из-за кулис высунулся автор композиции И. Д. Зеленский.

— Держи его! Он мне весь спектакль сорвет. За мной! — скомандовал Иван Данилович рабочим сцены.

После возни у запасного выхода

беглеца в измятом костюме и без галстука вывели на авансцену и усадили в кресло. Ведущий продолжал:

А вот Ткаченко — еще один Хороший, честный семьянин...

Ткаченко, словно укушенный, вскочил со своего места. Его схватили в гардеробе. Когда порядок был восстановлен, чтец произнес:

Затихает криком половец,
И походкой твердою своей
Молча на трибуну мать выходит —
Мать Баженова — героиня десяти
детей.

«Героиню десяти детей» под усиленным конвоем тоже переселили на сцену.

Тем временем из-за кулис снова выпорхнули девушки. Они установили большую колбу и исполнили вокруг нее «танец с красителями». Потом выпали ребята. Чтец погладил одного из них по вихрастой головке и сказал:

В этом городе мальчишки и девчонки
О заводе распевают песню звонко.
В этом городе цехов густая дымна
К себе манит Тань, Сереж, Володь и...

— Димку! — отозвались из зала.

Октябрята перестроились, и самый маленький из них, алая от смущения, выпалил:

Мы ночами свежими и синими
Думаем с любовью о великой
химии...

А пока для вас
Вальс цветов из нас.

В это время за кулисами беседовали автор сценария И. Д. Зеленский и дирижер духового оркестра Поддубный.

— Ну как постановочка? Нравится? — допытывался Иван Данилович. Дирижер удовлетворенно крякнул:

— Обидно только, что такие композиции являются достоянием одних рубжан.

— Ты прав, — вздохнул Зеленский. — А знаешь что? Разошлем эту и остальные мои композиции в другие ДзКа. Напишем примерно так: «В фонде нашего Дворца культуры имеется несколько замечательных литературно-музыкальных композиций, которые ярко, в художественной форме отображают определенные важные периоды нашей страны».

— Дело! — кивнул Поддубный.

— «Рекомендуем вам, — продолжал Зеленский, — приобрести у нас одну из наших композиций и подготовить к знаменательной дате... Мы уверены, что постановка наших композиций поднимет вашу самостоятельность на фестивале как идейно, так и художественно-эмоционально». Ну как, здорово? И все удовольствие — 250 рублей.

— Не дороговато? — усомнился Поддубный.

— Хо-хо! — рассмеялся Иван Данилович. — Почти даром. Разве такой слог не стоит денег? Ты послушай! Зеленский взял композицию и прочитал:

— «Вся сцена в белых сукнах. В центре сцены вертлявый круг для выступления участников композиции... Идет пляска, переходящая в марш...» Это же художественные ценности. А ты говоришь, дороговато!

— Здорово! — согласился Поддубный. — Но меня смущает, что некоторые твои композиции пятилетней и даже девятилетней давности... Да и зачем им наш Чухрай? У них свои маяки есть.

— Маяки есть, а сценаристов наverka нет, — отпаривал Зеленский. — Пусть знают наших!

Письма были посланы в Донецкую область. Во Дворцы культуры Дружковки, Константиновки, Горловки и Краматорска.

Но не удалось Зеленскому сбыть свой товар. Например, директор Ново-Краматорского Дворца культуры тов. Олифиренко, ознакомившись с посланием Зеленского, поставил на нем резолюцию: «Не является ли это аферой?» Не пожелали воспользоваться любезностью автора и другие.

Так и не дошли до зрителей Донецкой области «художественные ценности» И. Д. Зеленского. Рубжанам хуже. Они обречены довольствоваться композициями Ивана Даниловича. Конкурент у него вряд ли появится. Потому что автор, режиссер-постановщик и директор Дворца культуры Рубжанского химкомбината — одно и то же лицо. И. Д. Зеленский.

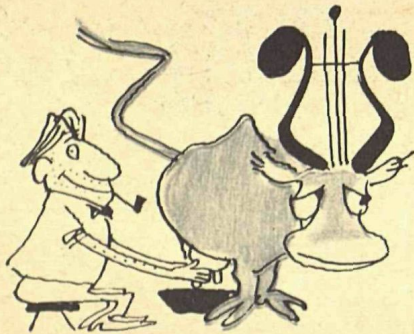
В. КАНАЕВ,
специальный корреспондент
Крокодила

г. Рубжное,
Луганской области.

Владимир ЛИФШИЦ

Иные поэты и писатели излишне щедро делятся с читателем подробностями своей биографии.

Помню...

Было в нашем доме три
окошка,
Был наш дом, я помню,
невысок,
И вела, мне помнится,
дорожка
В молодой лесок —
наискосок.
Если память мне
не изменяет,

Тот лесок зимой был очень
бел,
А весной, едва снежок
растет,
Глядь, а он уже зазеленел!
Не забыть мне тына и овина.
Не забыть мне речки и
моста.
Не забыть, что бабка
Катерина
Не худа была и не толста.

Сохранилось в памяти-
копилке
С тех далеких, незабвенных
дней,
Как отец подъехал
на кобылке
И уехал в тот же час на ней.
Помню чьи-то спины, чьи-то
лица,
Помню стол, и печку,
и кровать...
Если это все в печать
годится,
Я могу еще навспоминать!

Утро Роберт Семенович провел за лихорадочным перелистыванием газет. Дело в том, что несколько дней назад в Центральном театре легкой музыки состоялась премьера его, Роберта Семеновича, оперетты — «Бал в забое». И Роберту Семеновичу очень хотелось прочесть триста — четыреста строк неумной газетной хвалы в свой адрес. Однако неповоротливые критики еще не раскочались, и положительных рецензий, столь необходимых для душевного равновесия Роберта Семеновича, нигде не было. Это обстоятельство мучило его, жгло душу. Он решил съездить в театр. Там его приняли с царскими почестями. Директор обещал позвонить куда следует, поторопится, принять экстренные меры.

— Вы поймите, — сказал Роберт Семенович, откланиваясь, — рецензия нужна не только мне, это оценка не только моего личного творчества. Рецензия, черт побери, это и реклама, и сборы, и касса, и план! Рецензия нужна! Неужели не понятно? Нужна рецензия!

И он вскочил в свою «Волгу» и, поддав газу, ожесточенно завертел баранку. Он был чрезвычайно возбужден. И вполне естественно, что он не заметил, как проехал на красный свет... И вполне естественно, что в эту же минуту его ушей коснулся маломужыкальный свисток милиционера. Роберт Семенович, чертыхаясь, поставил машину у обочины тротуара.

Виктор ДРАГУНСКИЙ

— Инспектор ГАИ Дроздов, — сказал высокий человек и взял под козырек. — Предъявите права.

Роберт Семенович не любил встречаться с инспекторами ГАИ. Особенно он не любил, когда в руках инспектора, словно по волшебству, появлялась маленькая машинка-компостер, в просторечии «дырокол». Поэтому, протянув права инспектору и понимая, что неведомо откуда появившийся дырокол сейчас сделает свое ужасное дело, Роберт Семенович торопливо забормотал, несколько натянуто улыбаясь.

— Вот ведь какие времена настали, — в горле у него першило, и бормотал он неясно, сильно прищепывая от волнения, — вот времена! Известных композиторов и то не жалеют... Хе-хе! Не создаю

ни творческого покоя... Тут в голове мелодии разные попрыгивают, мотивчики всякие... Ну, проехал человек на красный свет, ну и что? Ведь творческое же все-таки состояние!..

Инспектор ГАИ Дроздов вдруг опустил свой дявольский дырокол. Он с интересом взглянул на взмокшего нарушителя.

— А вы разве композитор? — сказал он.

— Мало того что композитор, я еще и член Союза, — поспешно откликнулся Роберт Семенович и показал Дроздову похожую на шоколадку книжечку. — Не колите дырку, не надо, товарищ инспектор. Уж лучше оштрафуйте, право...

В глазах инспектора появилось нечто очень доброе, смешанное с откровенным любопытством.

— А что же вы сочинили? — душевно спросил он.

«Ну, слава богу, — сверкнуло в голове композитора, — кажется, пронесет!»

— Да мало ли, — сказал он вслух и скромно потупился, — вот недавно премьера была. «Бал в забое» называется... Скоро вон и рецензия будет... Прочитаете...

— А зачем? — вдруг сказал Дроздов. — А зачем читать? Я сам лично видел этот спектакль!

— Ну и как?.. — начал было Роберт Семенович. Но беспощадный дырокол уже пробил в его текстоло-невозполнимую дырку.

— Опять штаты увеличили!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

Дмитрий СМЕРНОВ

Не очень длинные стихи

☆

Как ни заточивай остро карандаши,
Как ни жонглируй рифмою и словом,—
Страдая плоскостопием души,
Мир не одаришь опусом толковым.

☆

Если б не было низин,
Если б не было болот,—
Может, не было б вершин,
Может, не было б высот.
Если б не было глупцов,
Что высмеиваем мы,
Потускнели б среды умов
И великие умы.

☆

— Скажи-ка, друг, не хам ли он?
— Да нет, пока — хамелеон.

☆

Закопался в мелочах —
и зачах.

На страже

Измучились автомобилисты: любая мало-мальски серьезная поломка вынуждала везти машины на ремонт в Магадан, за 2 тысячи километров. И дорого и тяжело.

Решили построить авторемонтные мастерские на месте, в своем поселке Хандыга. Обратились за разрешением в Якутск, в республиканское автодорожное управление.

— О чем разговор! — ответили в управлении. — Да вы просто молодцы, даже инициаторы! Стройте мастерские!

Засим выдали разрешение, отпустили средства, строительные материалы.

Случилось это в 1960 году.

А когда уже всю развернули стройку, сложили стены, израсходовали 90 тысяч рублей, из Якутска, от тех, кто восторженно крикнул «Молодцы!», последовал окрик:

— Да как вы смели строить без проекта? И ответу! Закрыть стройку, законсервировать!

И закрыли. Законсервировали. Хандыгские дорожники волнуются, бьют тревогу, пишут... В Якутском управлении, напротив, не волнуются и не бьют тревогу.

В самом деле, чего им волноваться? Строили в Хандыге без проектов? Фант! Они пресекли? Пресекли! Оказались на страже? Фант. Теперь остается ждать премий за проявленную бдительность...

Б. САВЕЛЬЕВ

Лазарь Давидович МИТНИЦКИЙ
 (к 75-летию со дня рождения)
 Дружеский шарж Н. ЛИСОГОРСКОГО

Л. Митницкий начал свой путь сатирика-юмориста полвека назад как художник-карикатурист. Вскоре читатели сатирических журналов узнали его как автора рассказов и фельетонов. Л. Митницкий — старейший правдист, крокодильец. Он автор многих книжек, выходивших в Библиотеках юмора и сатиры изд. «Земля и Фабрика», журналов «Смехач» и «Крокодил». Мы поздравляем юбиляра и желаем ему еще долгих лет активной творческой работы.

**НАРОЧНО
 НЕ
 ПРИДУМАЕШЬ**

«Граждане! Помните, что причины, могущие привести к пожару, легче устранить, чем потушить!»
 (Из проспектов плакатов, рассылаемых Цхинвалским комбинатом «Худфонда».)
 Прислал А. НЕФЕДОВ.

Челябинская область.

«Полпрачки и полдворника магазина № 33 тов. Рукса С. В. с 15.V.1966 года назначить на должность полпрачки этого магазина».

(Из приказа.)
 Выписал Н. СЕРГЕЕВ.

г. Минск.

«А так же установлено, что в нашем детском саду большинство детей не нашего производства».

(Из протокола профсоюзного собрания.)
 Копию снял О. АНДРИАНОВ.

г. Омск.

«Ранее т. Ершов А. К. был осужден товарищеским судом за съедание живой овцы и укусов людей на 10 руб.».

(Из акта на владельца собаки.)
 Прислал А. БЕРЕГНЕВ.

г. Саратов.

«В отношении подсудимого скажу, что он был человек не вредный обществу: что заработает, то и пропьет».

(Из показания.)
 Выписал П. ДУБРОВ.

г. Витебск.

«Советы общественности по работе с детьми и подростками при домовых комитетах имеют право объявлять благодарность родителям за хорошее воспитание детей и выносить поощрения за неправильное их воспитание».

(Из «Примерного положения о Советах общественности по работе с детьми и подростками», отпечатанного в типографии ХОЗО УООП.)

Прислал К. ЕГОРИЧЕВ.

г. Владимир.

Жив

Неуважай-Корыто!

Петр Савельев Неуважай-Корыто вошел в литературу как одна из мертвых душ, приобретенных Чичиковым у помещицы Коробочки. Соответствовала ли фамилия характеру Петра Савельевича при жизни? Или оный Неуважай, напротив, был вежливым и корнетным мужчиной? Нам неизвестно. Но фамилия его, на редкость выразительная, пережила своего владельца, и ее даже в наше время свободно можно приложить к некоторым «живым душам».

Вот они — рядом с нами.
 В редакцию пришел молодой человек. Поздоровавшись, он задал довольно странный вопрос:

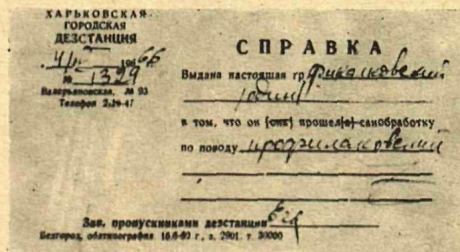
— Скажите, похож я на мать?
 Редакционный народ видал виды и ко всему привычен. Но тут и мы растерялись:
 — Извините, но, не зная вашей матушки, несколько затрудняемся...

— Не о моей матушке идет речь, — перебил молодой человек, — а обо мне самом. Тут мы вообще потеряли дар речи. Тогда посетитель вытащил из кармана свидетельство о рождении своей дочери, в котором значилось:

Работнику мосновского районного загса, заполнявшему этот важный документ, вполне подошла бы звучная фамилия Неуважай-Корыто. Ему было в высшей степени начхать на то, что выходило из-под его пера, и на тех людей, которых этот документ касался.

А вот своего рода уникум, рожденный в стенах Харьковской городской деэстанции:

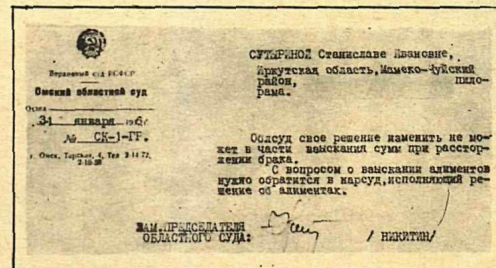

Спешим заверить, что подлинная фамилия гражданина, получившего драгоценную справку — ФИАЛКОВСКИЙ. От слова «фиалка». А что получилось?

В Харьковской деэстанции выдачей справок занимался человек совершенно равнодушный к себе подобным, но обожающий поэзию: он умудрился зарифмовать даже такой сухой, в общем-то, документ.

Правда, в данном случае никакой беды не произошло. У нас имеются сведения, что гражданин «Фиалковский», пройдя «профилактоский», был признан здоровым. Что и требовалось доказать.

Некто Сутырин Станислав Иванович обратился в Омский областной суд с просьбой пересмотреть дело о разводе с Сутыриной Нэлей Александровной, а также пересмотреть решение в части взыскания с него, Сутырина, денег, внесенных при расторжении брака. Ответ поверг его в полное изумление:

Так росчерком пера Станислав Иванович был превращен в Станиславу Ивановну. И сверх программы получил рекомендации о взыскании алиментов. Правда, Сутырин так и не смог разобраться, с кого и по какому поводу он должен взыскивать эти алименты.

А теперь поставьте себя, дорогой читатель, на место человека, которого десятки ответственных товарищей из разных авторитетных учреждений с завидным упорством называют не так, как положено, а так, как им в голову взбретет. Заверю, что таким методом можно довести до белого каления даже ангела. Некто Ковешников в порыве отчаяния прислал нам целую кипу писем из разных организаций. И вот как его в этих письмах «крестили»:

Каменск-Шахтинский горком партии — «Тов. Ковешников».

Главное управление книжной торговли Министерства культуры РСФСР — «Тов. Квашников».

Редакция газеты «Вечерний Ростов» — «Уважаемый тов. Ковешников».

«Учительская газета» — «Уважаемый тов. Ковешников».

Обзывали его также Козешниковым, Колешниковым, Ковешниковым, просто Ковешником и так далее. Человек этот пишет нам:

«Не только отец, но и мой дед и прадед носили фамилию Ковешниковых. Мне удалось прочесть грамоты 1612 года, в которых моя фамилия ни разу не искажалась. А вот в наши дни она претерпевает бесконечные изменения».

Да. Вот тебе и «уважаемый товарищ»! Какое уж тут уважение, когда из письма явно слышится голос Неуважай-Корыта:
 — Эй, ты... как там тебя!..
 Е. ЦГУЛИЕВА
 (она же Тюгулиева, Цыбулиева, Сугулиева и так далее).

ПРОСТО АНЕКДОТ

Джон Браун, невзирая на яростный огонь вьетнамских партизан, пробрался по минному полю и вынес на своих плечах раненого солдата Маккинли.

Перед строем командир роты объявил благодарность Джону Брауну, а затем в личной беседе спросил:
— Как ты отважился на такой отчаянный поступок?
— А что делать, — ответил Джон, — если эта свинья Маккинли задолжал мне четыре доллара...

Дама позирует художнику и изводит его просьбами:
— Сделайте мне шею потоньше, нарисуйте глаза побольше...

В конце концов художник воскликнул:
— Вот что, мадам, выбирайте: вы хотите быть похожей или красивой?

— Как ты проводишь свободное время?
— Чаще всего спучаю.
— А ты бы записался в наш клубный хор. Мы играем в домино, рассказываем анекдоты, выпиваем.
— А когда же вы поете?
— Когда возвращаемся домой.

130-летний горец на днях бросил курить.
— Я это сделал, — заявил он, — как только узнал, что никотин вреден для здоровья.

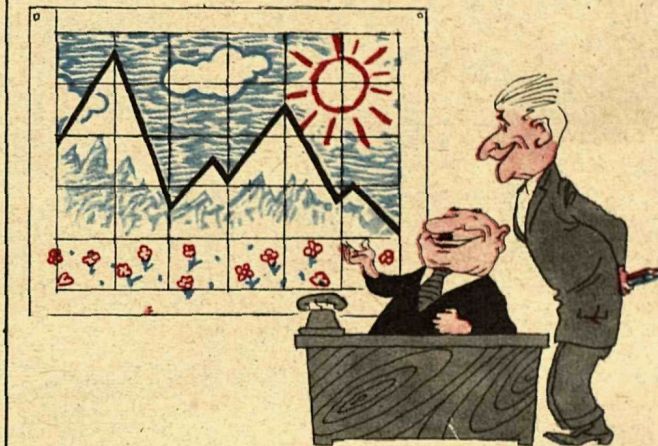
Мать — нашкодившему шестилетнему сынишке:
— Ну скажи, неужели тебе не стыдно? Почему ты молчишь?
— Я думаю.
— О чем ты думаешь?
— Стыдно мне или нет.

Планат возле шоссе:
«Имеется лишь два вида пешеходов — осторожные и мертвые!»

Муж окончательно разругался с женой. Собрав в чемодан самые необходимые вещи, он сказал на прощанье:
— Иду добровольно в космонавты. Лучше столкновение с метеоритами, гибель на неведомой планете, чем вечные склоны с тобой!
И вышел, хлопнув дверью. Однако через минуту вернулся:
— Тебе повезло. На улице дождик.

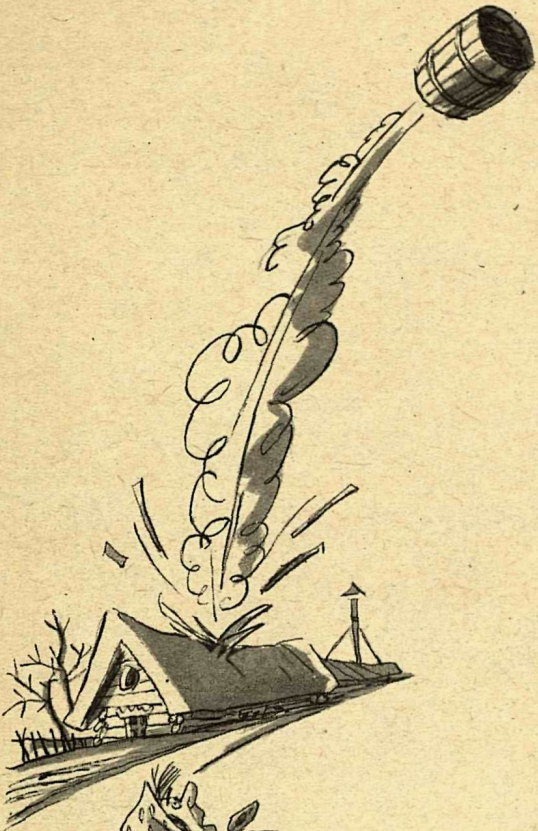

— Какой-то неприглядный вид!

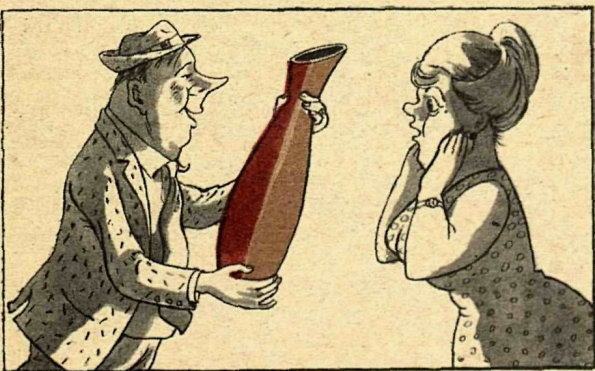
— Вот теперь другое дело!

Рисунок Е. ГУРОВА

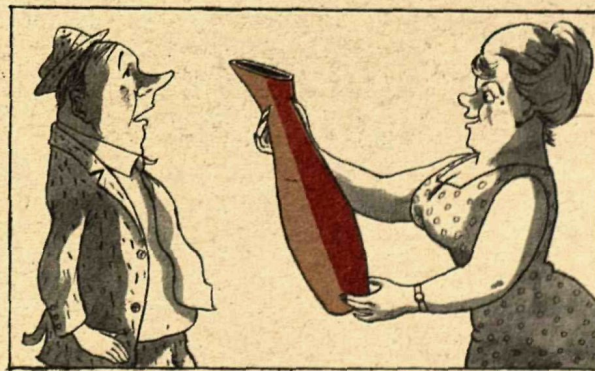

— Батюшки! У меня брага ушла!

Рисунок И. СЫЧЕВА

— Вот тебе сувенир из Сочи!

— А тебе — из Мурманска!

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

ИЗДАНИЕ
ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Адрес редакции:
Москва, А-15,
Бумажный проезд, 14.
Тел. Д 0-10-86.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ (ответственный секретарь), Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), Б. Е. ЕФИМОВ, В. Д. НАДЕИН, И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМIRНОВ, А. А. СУКОНЦЕВ, Е. А. ШУКАЕВ.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Издательство «Правда»
А 10448.

Подписано к печати 9/ХІІ 1966 г.
Формат бумаги 70×108½.
2 печ. л. 2,80 усл. печ. л.
Тираж 4 300 000 экз.
Заказ № 3347. Изд. № 1991.

«МИРОТВОРЕЦ»